

УДК 94(47).083+94(438).071

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/7

РЕШЕНИЕ ХОЛМСКОГО ВОПРОСА: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в.*

И.И. Верняев

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Авторское резюме

В 1912 г. в восточной части Люблинской и Седлецкой губерний – в Холмско-Подляшском Забужье – была создана новая Холмская губерния. Рассматриваемая как часть русской «коренной» территории губерния была выделена из Варшавского генерал-губернаторства и подчинена непосредственно министру внутренних дел. Проект административного выделения Холмско-Подляшского региона со смешанным польским и восточнославянским (руси́нским / малоросси́йским / украинским) населением из состава польских губерний неоднократно обсуждался с 1860-х гг. В статье анализируется последний этап обсуждения холмского вопроса, в результате которого была создана Холмская губерния. Рассмотрены правительственный и думский законопроекты, дебаты в думской комиссии, на общих заседаниях Думы, в публицистике. Прослежена связь холмского законопроекта с разрабатываемым в правительстве планом децентрализации империи. Показано, что дискуссия по холмскому вопросу отразила широкий спектр подходов к устройству империи в целом, статусу национальных окраин, принципов административного деления страны, разное понимание категории «национальность» и ее значимости в государственной политике. Исследуются проявившиеся в обсуждении холмского вопроса этнонациональные (польский, «общерусский», малоросси́йский), имперско-государственнический, имперско-руси́фикаторский, областнический, локальный, социальный дискурсы.

Ключевые слова: Российская империя, Варшавское генерал-губернаторство, Холмская губерния, этноконфессиональная политика, административно-территориальное устройство, дискурсы поздней империи, национальность и вероисповедание.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

THE SOLUTION TO THE CHELM QUESTION: DISCURSIVE PRACTICES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20TH CENTURY*

I.I. Verniaev

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Abstract

In 1912, a new Chelm province was created in the eastern part of Lublin and Siedlce Governorates. Considered as part of the Russian “indigenous” territory, a new governorate was separated from the Warsaw Governorate-General and subordinated directly to the Minister of Internal Affairs. The project of administrative separation of Chelm region with mixed Polish and East Slavic (Rusins / Little Russian / Ukrainian) populations from the Polish provinces was repeatedly discussed since the 1860s. The article analyses the last stage of discussion of the Chelm question, which resulted in the formation of Chelm governorate. The author analyses the government and Duma draft laws as well as debates in the Duma commission, at general sessions of Parliament, and in the public media to trace the connection of the draft law with the plan for the decentralisation of Russian empire developed by the Ministry of Internal Affairs. The article shows that the discussion on this particular issue reflected a wide range of approaches to the structure of the empire as a whole, the statuses of national regions, the principles of the country administrative division, difference in understandings the category “nationality” and its importance for the state policy. The ethnonational (Polish, “all-Russian”, Little Russian) traditional imperial-statist, imperial-russianizing, regional, social discourses in the discussion of the Chelm question are investigated.

Keywords: Russian empire, Warsaw Governorate-General, Chelm governorate, ethnoconfessional politics, administrative-territorial structure, discourses of the late empire, nationality and religion.

23 июня 1912 г. императором Николаем II был утвержден принятый Думой и Госсоветом законопроект «Об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой

* The research is supported by Grant of the Russian Science Foundation (Project Nr. 15-18-00119).

Холмской губернии, с изъятием ее из управления Варшавского генерал-губернаторства». 8 сентября 1913 г. Холмская губерния была официально открыта.

Судя по длительности дебатов (создание губернии обсуждалось с 1860-х гг.), большому количеству изданной публицистической и научной (статистической, исторической, этнографической, лингвистической, картографической) литературы, интенсивности дискуссии в специальной комиссии и на общих заседаниях Государственной Думы (с 1909 по 1912 г.), холмский вопрос был одним из наиболее острых и важных в поздней Российской империи. В нем отразились различное понимание устройства империи и желаемого направления ее внутренней трансформации, различные трактовки категорий национального и его значимости в сравнении с категориями конфессионального, сословного, социального.

В научной литературе дебаты вокруг холмского вопроса трактуются обычно упрощенно, как противостояние польского и русского национализма (Аврех 1991; Циунчук 2014; Борзова 2014). При этом не учитывается весь спектр подходов, менявшихся дискурсов и мотивов, проявившихся при обсуждении проекта создания Холмской губернии. В связи с этим необходимы более тонкая их дифференциация и постановка в контекст более общих дискуссий и проектов трансформации империи и различных трактовок становившейся все более влиятельной в тот период общественно-политической категории национального. В существующих исследованиях холмского вопроса не учтена, в частности, важная трансформация русского национального и имперского дискурса, выразившаяся в отказе от широкой программы всесторонней русификации имперских окраин. Именно этот сдвиг в конечном счете способствовал тому, что обсуждавшийся уже несколько десятилетий проект образования Холмской губернии был, наконец, реализован в начале XX в. В литературе не учтены также важные различия в позиции и риторике части членов правой фракции Государственной Думы, исходящих в холмском вопросе из общегосударственного и общегражданского понимания «национальности». Подходы членов польской фракции и ряда влиятельных польских публицистов также не могут быть сведены только к «национализму» в его этнической трактовке. Не учтен в литературе и дискурс регионального трансэтноконфессионального единства, также проявившийся в холмской дискуссии. Недостаточно прослежена связь холмского проекта с более широкими планами трансформации империи, без которых невозможно понять менявшиеся мотивы и зигзаги реализации идеи создания этой новой губернии. Настоящая статья стремится восполнить существующие пробелы и недоработки

в изучении холмского вопроса, предложить более дифференцированный подход к анализу проявившихся в нем позднеимперских общественно-политических дискурсов.

Холмщина, Холмская Русь – историко-географическая область, находящаяся к западу от среднего течения Западного Буга. Южное Подляшье также включали в понятие Холмщины. Употреблялись термины Холмско-Подляшская Русь, Забужная Русь, Западное Прибужье. В XIII–XIV вв. край входил в состав Галицко-Волынского княжества, с конца XIV в. – в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского, объединившихся в 1569 г. в Речь Посполитую. Для Холмско-Подляшского края было характерно смешанное польское и восточнославянское (русинское, а также частично белорусское, т. е. «русское», по терминологии имперского периода) население. Влияние было двусторонним. С одной стороны, шло активное ополячивание и окатоличивание, с другой – польское население испытывало влияние местного «русского» элемента. С одной стороны, уния, заключенная в 1596 г., способствовала формированию смешанного по многим параметрам населения. С другой стороны, этнокультурное и языковое разделение между поляками и восточнославянским населением в регионе поддерживалось конфессиональными (поляки – католики, «русские» – униаты) и сословными (поляки-католики – землевладельцы, горожане, чиновники; «русские»- униаты – крестьяне) границами.

Со времени вхождения территории Польши в состав России и образования в 1815 г. Царства Польского политика империи в Холмщине заключалась в основном в сохранении и усилении конфессиональной границы путем поддержки греко-католической (униатской) церкви и образовательной системы. Однако эта политика была непоследовательной, не всегда обеспеченной материальными и кадровыми ресурсами, в значительной мере неэффективной. Постепенная латинизация и полонизация униатской церкви в устройстве, обряде, языке продолжалась. Для выходцев из крестьян и униатского священнического сословия, получивших образование и / или добившихся более высокого имущественного положения, ориентиром становился польско-католический культурно-языковой стандарт (Крыжановский 1911).

В 1875 г. царское правительство, рассчитывая укрепить конфессиональную границу, радикально меняет политику в Холмщине, ликвидируя унию и присоединяя униатское население к православию. Из-за отказа многих крестьян переходить в православие власти применяли насильственные меры. Тем не менее ликвидация унии и официальное присоединение к православию не решили, как рассчитывали власти, проблему укрепления конфессиональной границы с католицизмом.

Значительное количество бывших униатов отказывались посещать православные храмы и были определены как «упорствующие» (*калакуты*) или «колеблющиеся». Общая численность этих категорий населения оценивалась в 80 тыс. чел. Явное поражение длившейся много десятилетий политики выстраивания конфессиональной границы произошло после объявления свободы вероисповедания в 1905 г. В течение двух лет около 180 тыс. бывших униатов Холмщины, формально числившихся православными, перешли в католичество (Государственная Дума 1911b: 2597–2598). Ответом на этот провал политики стала актуализация выдвигавшегося несколько раз с 1860-х гг. проекта административного выделения Холмщины из состава Царства Польского.

Разрабатывавшиеся с 1860-х гг. проекты выделения Холмщины и части Подляшья раз за разом отвергались имперскими администраторами разного уровня. Отказ мотивировался соображениями внешней и внутренней безопасности, оборонительной стратегии. Указывалось также на институциональные особенности края, общие с другими губерниями Царства Польского. Они появлялись в законодательстве, судебных учреждениях, аграрном строе, особых присутствиях по аграрным делам, гминном самоуправлении, особой податной системе, административном устройстве. При отказах обращалось внимание на необходимость сохранения лояльности в отношении империи польской этносословной элиты (Государственная Дума 1911b: 2679).

Некоторые имперские администраторы отказывались от реализации выдвигавшихся проектов административного выделения Холмщины также на основании того, что это противоречит установке на широкую русификацию (в частности, языковую и этнокультурную) национальных окраин империи, в том числе губерний Привислинского края. Именно по этой причине холмский проект как антигосударственный рассматривал варшавский генерал-губернатор (1883–1894 гг.) И.В. Гурко. Сын генерал-губернатора чиновник и публицист В.И. Гурко следующим образом аргументировал этот подход: «... не выделять следует русских людей, а, наоборот, всячески водворять их туда, растворяя посредством их чисто польский элемент края. Ведь каждому ясно, что те 300–400 тысяч бывших униатов русского происхождения, населяющие Холмщину и Подляшье, важны не сами по себе, независимо от того, где они находятся, а именно в данном месте... отделение Забужья от Привислянья ведет именно к исключению русского племени из пределов последнего, а выделение униатских местностей в отдельную, замкнутую губернию влечет к отречению от всей остальной части Привислянья, к признанию ее чисто польскою... Постепенное просачивание народного русского элемента в польское население

края, причем исходным пунктом, так сказать, операционным базисом, должно быть именно русское Забужье – вот та цель, к которой мы должны стремиться, а для достижения ее необходимо уничтожать всякие преграды, отделяющие русские местности от польских, а не искусственно создавать такие. Образование Холмской губернии этой цели, безусловно, противоречит» (В.Р. 1897: 267–268). После 1905 г. ситуация изменилась, и планы широкой этнокультурной русификации национальных окраин империи находили все меньше сторонников. Это отразилось и на судьбе холмского проекта.

С новой инициативой принятия административных мер по защите от ополячивания и окатоличивания русского православного населения Холмщины и Подляшья выступила в 1905 г. группа национально настроенных деятелей во главе с епископом Холмской и Люблинской епархий Евлогием (Георгиевским). Евлогию удалось привлечь внимание к своему проекту высших правительственных чиновников.

В литературе недостаточно обращается внимания на то, что очередной холмский план в период министерства А.П. Столыпина получил ход и развился в правительственный законопроект в связке с другим, более масштабным законопроектom. Речь идет о плане областной децентрализации империи, который, как и холмский законопроект, в 1907–1908 гг. подготовил товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский. В своих мемуарах он достаточно подробно охарактеризовал оба документа, их связь друг с другом, мотивы разработки и дальнейшую судьбу.

Проект децентрализации предполагал создание на территории империи 11 автономных областей и нескольких регионов со статусом колоний. В каждой из областей, по плану, должны были быть сформированы областные земские собрания с законодательными функциями и исполнительные органы управления. Проект, разъяснял автор законопроекта, с одной стороны, был ответом на провал прежних планов тотальной русификации окраин империи. Не достигнув результата, эта политика привела только к распылению русских национальных сил. С другой стороны, новые кадровые и интеллектуальные силы на национальных окраинах, не находя себе применения на месте, наводняли имперский центр, где, по оценке Крыжановского, становились беспокойным элементом. Новые областные институты должны были стать местом приложения сил активных представителей национальных групп на окраинах империи (это можно трактовать как предвосхищение большевистского плана «коренизации»). А русские, в свою очередь, должны были сконцентрироваться на позитивной работе в пределах русского этнографического ареала (понимаемого широко – в соответствии концепцией «большой русской нации»,

включавшей великороссов, малороссов и белорусов). Крыжановский констатировал необходимость ограничения русификаторства, выделения «русского» национального «ядра» в империи. В управленческом плане областная реформа, по замыслу Крыжановского, должна была разгрузить центральную власть от безмерного накопления дел, передав «местное законодательство местным людям и учреждениям». Николай II положительно оценил проект, но его реализация была отложена из-за опасений спровоцировать сепаратистские тенденции (Воспоминания 2009: 116–124, 180).

По признанию С.Е. Крыжановского, логически связанный с планом децентрализации законопроект о выделении Холмской губернии имел два основания. Во-первых, это стремление местного православного духовенства и шире – русских национальных кругов империи – предотвратить полонизацию в крае, слить местное восточнославянское население «с общерусской стихией». Во-вторых, широко не афишируемым мотивом проекта была подготовка почвы для выделения «этнографической Польши» и предоставления ей автономии в рамках общего плана децентрализации (Воспоминания 2009: 122–124). Хотя этот план был отложен, связанный с ним законопроект выделения Холмского края получил дальнейшее развитие.

При определении западной границы Холмской губернии ведущим в правительственном законопроекте был конфессиональный критерий. «Русские» регионы определялись прежде всего по вероисповедному принципу. По оценке разработчика законопроекта С.Е. Крыжановского, планируемая губерния должна была включить только те территории, на которых «население сохранило русский национальный облик и в большинстве было православным на деле, а не только на бумаге». Те же местности, где население было уже основательно окатоличено, должны были остаться в составе Варшавского генерал-губернаторства (Воспоминания 2009: 124). Тем не менее преобладания православных в новой губернии не получалось. Всего в Холмской губернии должно было оказаться 304 885 православных, 310 677 католиков, 114 410 иудеев, 28 436 остальных (Чихачев 1912: 7–15).

После внесения законопроекта в Думу с 17 ноября 1909 г. начались заседания холмской подкомиссии («холмская комиссия»), комиссии по направлению законодательных предположений. В ходе ее работы принципы определения границ будущей губернии были скорректированы. На первый план для думских сторонников выделения губернии вышли этнолингвистический и этнокультурный критерии, а также учет исторических свидетельств и памятников «русскости». Данные вероисповедной статистики были подвергнуты критике, отмечались их неопределенность и ненадежность. При определении

границ большинство представителей «Холмской комиссии» исходило из того, что отождествление в данном регионе «католика» и «поляка» не выдерживает критики, так как «с переходом в католичество русская национальность не утрачивается». Для обоснования думского законопроекта расширения в западном направлении – в сравнении с правительственным вариантом административных границ Холмской губернии – его сторонники в изобилии приводили лингвистические данные, исторические материалы (вплоть до X в.), фольклорно-этнографические свидетельства. По думскому законопроекту создаваемая губерния должна была иметь следующий основной этнический состав: русских – 463 901, поляков – 269 053; в конфессиональном же отношении соотношение получалось следующее: православных – 327 322, католиков – 404 633, иудеев – 135 238, прочих – 29 123 (Государственная Дума 1911b: 2617, 2619; Чихачев 1912: 158; Борзова 2014: 78).

Русский национализм в риторике разработчиков законопроекта сочетался с декларировавшимся отказом от политики русификации нерусских окраин империи. Так, в выступлениях ряда депутатов звучала критика подходов прежних администраторов, которые, исходя из русификаторских позиций, выступали против образования Холмской губернии. Как критически отметил на заседании Думы в 1911 г. епископ Евлогий, варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко «заразился целью строгого проведения русских начал не только в Холмщине, но и Варшаве; хотел сделать не только Холмщину, но и Варшаву русской и потому опасался, что отсечение русской Холмщины до некоторой степени поколебало бы у него почву в последовательности и настойчивости проведения политики так называемой русификации» (Государственная Дума 1911a: 226; Государственная Дума 1911b: 2675). Сторонники законопроекта активно использовали категорию «коренная Россия», противопоставляя ее в контексте холмского вопроса «чуждой Польше». Евлогий говорил о необходимости предоставить полякам «жить как угодно, лишь бы не во вред русской государственности». По мнению депутата, сами поляки по этой причине должны отнестись к проекту благожелательно, поскольку он исходит из необходимости отказа от русификации «этнографической Польши» и сохранения ее культурной, конфессиональной, языковой специфики (Государственная Дума 1911b: 2652, 2656, 2679; Государственная Дума 1912: 251–252).

Думские защитники законопроекта отмечали, что в то время как в Царстве Польском административные должности занимает в значительном числе русский служебный персонал, имеет место «переполнение поляками многих учреждений во внутренних губерниях в

ущерб интересам коренного русского населения». Соответственно, «введение самоуправления в Царстве Польском и предоставление полякам возможности занимать большую часть должностей по разным отраслям управления в Царстве Польском дадут возможность русским людям, служащим теперь в Польше, применить свой труд и свои знания с пользой у себя на родине» (Государственная Дума 1911а: 230–231).

Таким образом, русский национализм, проявившийся в холмском вопросе, отрицал программу общеимперской этнокультурной и языковой русификации, ограничивая себя пределами собственно «русского» национального ядра страны (понимая под «русскими» всех восточных славян). Кроме того, сторонники формирования Холмской губернии при трактовке «русскости» отказывались от слитности категорий вероисповедного и этнического, полагая, что быть «русским» – не обязательно быть православным. Это давало возможность апеллировать к этнолингвистическим и историко-культурным данным, настаивая на расширении административных границ планируемой губернии в сравнении с правительственным планом. Холмский проект был частью того, что А.И. Миллер определил как «русский националистический проект консолидации нации внутри империи, который предполагал «присвоение» определенной части имперского пространства как “русской национальной территории”». Как констатировал исследователь, «русский проект национального строительства, будучи экспансионистским, заведомо не стремился к охвату всей империи и русификации всех ее подданных» (Миллер 2006: 156).

Историко-этнокультурный и этнолингвистический подход думских разработчиков законопроекта подвергался критике с позиций государственнического подхода, административно-управленческой прагматики и приоритета вопросов безопасности. Так, фракция прогрессистов в лице депутата А.А. Уварова исходила из того, что Российская империя как единое государство имеет право производить любые изменения своих внутренних границ, для обоснования их вовсе не нужно «углубляться в исторический, этнографический и статистический материал». Вопрос о выделении новой административной единицы должен рассматриваться с точки зрения пользы государственности, обороны, администрирования, удобства для населения, с учетом экономических связей и транспортного сообщения. По всем этим критериям, констатировал депутат, создание Холмской губернии было совершенно нецелесообразно. Кроме того, существовавшая в регионе правовая и административная системы были «гораздо культурнее, чем подобные институты»

Западного края, к которому в административном отношении планировалось присоединить Холмщину (Государственная Дума 1911b: 2693–2711).

Представители фракции Польского коло в Думе и их сторонники, выступая против законопроекта на заседаниях думской комиссии и в ряде публикаций, приводили аргументы из области истории, лингвистики, диалектологии, этнографии и фольклора, конфессиональной статистики, обосновывая преимущественно польский или смешанный польско-малороссийский, по большей части католический характер намеченных к включению в Холмскую губернию населенных территорий (Государственная Дума 1911a: 214–215, 218–221). Однако на общих заседаниях Думы в духе «реальной политики» представители польской фракции использовали скорее государственный, чем националистический, дискурс. Так, В.В. Жуковский, депутат от Петраховской губернии, призвал при решении холмского вопроса руководствоваться государственным интересом. Он утверждал, что польские представители в Думе в дискуссии по холмскому вопросу не выдвигали на первый план ценность сохранения территории Царства Польского, хотя это для них и является безусловной ценностью. В своих возражениях «мы не сходили с чисто русской государственной почвы» и солидаризировались с подходом большинства прежних русских имперских администраторов, которые отказывались от выделения Холмщины именно по государственным соображениям внешней и внутренней безопасности, управленческой целесообразности и с учетом сравнительно высокой эффективности существующих правовых и административных институтов в Холмском крае. В среде нового поколения имперских администраторов, подверженных «воинствующему национализму», происходило, отмечал депутат, «затемнение государственного разума и крупное падение техники законодательных работ» (Государственная Дума 1912: 295–308).

Дискурс общегосударственного подхода развивал депутат фракции Польского коло петербургский юрист Л.К. Дымша. Он выступил против действий крестьянского банка, который в соответствии с инструкцией варшавского генерал-губернатора М.И. Черткова от 10 ноября 1904 г. не обслуживал крестьян-католиков в Холмщине и Подляшье. Депутат обращал внимание на недопуск к выборным и назначаемым должностям католиков по вероисповеданию, поляков по национальности. Подобная политика, основанная на этноконфессиональном квотировании и выдержанная в той же логике, что и законопроект по административному выделению Холмщины, характеризовалась депутатом как антигосударственная, способствующая разделению страны и единого имперского подданства по национальным и ве-

роисповедным границам. Реализация законопроекта может стать опасным прецедентом для других регионов империи. Разделы по национальному принципу «поведут лишь к внутренней борьбе» и государственному кризису (Дымша 1910: 95, 107, 114; Государственная Дума 1911b: 2641–2643, 2649). Развивая эту риторику, юрист и публицист И. Кучинский констатировал, что политика национализма, выразившаяся и в холмском вопросе, разбивает Россию «на двадцать враждебных лагерей» по этноконфессиональному критерию (Кучинский 1911: 30, 35).

В унисон дискурсу общегосударственного единства звучал дискурс трансэтноконфессионального локально-регионального единства, основанного на экономических, соседских, родственных связях, общих институтах. В 1908 г. православные прихожане Муровицкого прихода Седлецкой губернии подали епископу Евлогию прошение о «невыделении Холмской Руси из пределов Царства Польского, чтобы их братьев по крови и плоти не разделять ввиду того, что все они состоят с ними в родстве и составляют единое нераздельное стадо». Прихожане православного Полюбиченского прихода Седлецкой губернии обращались к Евлогу: «Вами поднят вопрос в Государственной Думе о выделении русского населения Холмской Руси из пределов Царства Польского. Мы все братия во Христе, как католики-поляки, так равно русские и униаты, с испокон века живем все вместе... все мы... не желаем, чтобы наши кровные братья, наши родные с нами поляки-соседи были отдалены от нас, так как это одно целое и выделять их от нас – это значит поднимать новую бурю и новые скандалы. Мы, все нижеподписавшиеся, просим Ваше преосвященство оставить нас вместе, так как все мы сроднились и выделения Холмской Руси мы во все не желаем» (Дымша 1910: 112–113). Литератор А.К. Закржевский обращал внимание на смешение языков как фактор и следствие регионального единства (Закржевский 1916: 26). Л.К. Дымша настаивал на сохранении исторически сложившихся местных «общественно-административных единиц» как основы «разумного консерватизма» и стабильности страны (Дымша 1910: 2–3, 36).

Формирование внутри государства областей и границ между ними по этнографическому критерию вызывало несогласие со стороны части депутатов правой фракции. Их позицию подробно обосновал депутат Г.А. Щечков. Формулируя позицию, депутат провел различия между категориями «национальность» и «народность». «Национальность» в его трактовке является государственно-политической категорией, а «народность» – этнографической. Холмский вопрос следует решать с позиций «общей имперской русской национальности», т. е. государственно-политического единства страны. Стремление разра-

ботчиков холмского законопроекта «положить в основу губернского деления этнографическое единство населения» имеет «противогосударственный результат»: «Если мы выделяем Русь из состава бывшего Царства Польского, то в таком случае почему же уже, идя логически, не выделить Русь из состава бывшего Царства Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского и т. д.? Но такое выделение будет в принципе расчленением России на составляющие ее отдельные этнографические единицы». Создание административных единиц в соответствии с этнографическими границами расчленяет единое пространство страны, превращает этнолингвистические общности («народности») в отдельные государственно-политические общности («национальности»). При проведении любых внутренних границ следует исходить из общегосударственных и административных соображений. Если же требуется для тех или иных целей определять народность, то следует исходить из приоритета конфессионального критерия (Государственная Дума 1912: 260–265).

Наряду с русским и польским этнонациональными дискурсами в холмском вопросе ярко проявился и русинский (варианты: украинский, малороссийский) этнонациональный дискурс. За создание Холмской губернии, но в интересах русинов выступила в публикации от 17 мая 1911 г. газета П.П. Рябушинского «Утро России»: «...совершенно забывают тех, кто заселяет эту землю, – русинов, тех, кто в течение столетий, лишенный всяких культурных сил, оберегал себя от денационализации... Не руководясь никакими эгоистическими и узкоклассовыми соображениями, мы за отделение Холмщины... Мы защищаем только безгласные русинские массы, когда-то с головой выданные их более сильным соседям» (Холмский вопрос 1912: 243–244). Киевский профессор-историк, член партии кадетов И.В. Луцицкий также ставил вопрос о защите прав малорусов в крае. Он выступал против колонизации местного малорусского населения Холмщины, но констатировал при этом, что законопроект не дает гарантии сохранения его самобытности. М.С. Грушевский выступал за административное выделение Холмщины, видя в этом «наименьшее зло», но предлагал идти дальше, чем правительство и «холмская комиссия» Думы, а именно трансформировать все установившиеся в крае экономические и правовые отношения, не откладывая это дело на будущее (Аврех 1966: С. 102).

Защита прав украинского населения Холмщины отстаивалась левыми фракциями III Думы. Председатель думской фракции трудовой группы депутат А.А. Булат, литовец из Сувалкской губернии, говорил о том, что критерием решения вопроса о Холмщине должны стать нужды местного большинства населения, относящегося к «украинской

народности». Вместо этого спор ведется о том, «кому заботиться об ассимиляции населения – русскому правительству и православным священникам или польским помещикам и католическим ксендзам». Для выявления мнения местного населения Холмщины депутат предложил провести референдум. Но условием такого референдума должна быть «свобода национального самоопределения» для украинского народа (Государственная Дума 1912: 218–227).

В защиту населения Холмщины как представителей «многомиллионной украинской народности», против как русского, так и польского национализма выступил от имени фракции депутат социал-демократ И.П. Покровской. При этом он соединил национальный вопрос с социальным, выдвигая последний как приоритетный. Он уличал поддерживавших законопроект в том, что они не готовы к социальной политике в пользу местного крестьянства, наделению крестьян землей за счет землевладельцев. Соответственно, на деле, полагал депутат, они выступают за сохранение прежнего сословного подхода при всей их националистической риторике. Демократизация строя России и политическая автономия для Царства Польского – условия для решения холмского вопроса. Политическая автономия Царства Польского с сеймом во главе должна гарантировать выражение интересов всех граждан, без различия национальностей (Государственная Дума 1912: 239–248).

Несмотря на активное противодействие ряда фракций, 26 апреля 1912 г. законопроект о создании Холмской губернии с небольшими изменениями был принят Думой большинством в 156 против 108 голосов. Губерния разделялась на 8 уездов и напрямую подчинялась министру внутренних дел.

Этнический состав населения Холмско-Подляшского региона существенно изменился в ходе Первой мировой войны и последующих военных конфликтов в регионе. При отступлении русской армии летом 1915 г. был отдан приказ об эвакуации «русского населения» края. Численность переселенного отсюда в различные внутренние губернии России восточнославянского населения достигла более 300 тыс. чел. В дальнейшем оккупационные германско-австрийские войска вывезли в глубь Польши до 80 тыс. чел. из числа приграничного восточнославянского населения Холмщины и Подляшья. В результате этих военных депортаций население края стало преимущественно польским (около 85 %). Тем не менее по Брестскому мирному договору от 27 января (9 февраля) 1918 г., заключенному представителями Четверного союза и Центральной Рады, территория Холмщины была признана частью Украинской Народной Республики. При определении в договоре польско-украинской границы за основу

был взят этнический критерий. В ходе последовавшей репатриации на территорию Холмщины и Подляшья к началу 1920-х гг. вернулось до 150 тыс. украинцев. Продолжавшиеся территориальные споры переросли в конце 1918 – начале 1919 г. в польско-украинский вооруженный конфликт. Парижская мирная конференция 1919 г. не смогла окончательно установить польско-украинскую границу в регионе. К середине 1919 г. Холмско-Подляшский край оказался под фактическим контролем Польши. По результатам советско-польской войны 1919–1921 гг. в соответствии с Рижским мирным договором от 18 марта 1921 г. Холмско-Подляшский регион вместе с рядом других территорий с восточнославянским населением вошел в состав Польши. В марте 1923 г. установившиеся восточные границы Польши были признаны странами Антанты. В межвоенный период продолжалась польская колонизация Холмско-Подляшского региона, проводилась политика ассимиляции местного восточнославянского населения. К концу 1930-х гг. из 700 тыс. всего населения Холмщины и Подляшья численность восточнославянского населения составила около 220 тыс. чел. (Савченко 1995; Складаров 1998; Шевчук 2008).

Итак, в холмском вопросе проявились ключевые дискурсы поздней Российской империи. Традиционный дискурс династической лояльности этнословных элит, приоритета вопросов внешней обороны и внутренней безопасности, прагматичного учета сложившихся институциональных и управленческих особенностей окраин, сохранения статус-кво мотивировал неоднократный отказ имперских администраторов от выделения Холмщины из состава Царства Польского и формирования отдельной губернии с присоединением ее к числу внутренних губерний империи. Также к отрицательному отношению к плану выделения Холмщины вел дискурс необходимости не только государственно-управленческой, но и этнокультурной русификации имперских окраин. Для сторонников русификаторской программы отделение «русской» губернии по этноконфессиональному или этнолингвистическому критерию означало одновременно признание «отдельности» Польши, создание прецедента отказа от унификации окраин по общерусскому образцу, легитимацию и закрепление их особенностей и относительной автономности. Правительственный законопроект по Холмщине 1907–1908 гг., разрабатывавшийся как составная часть реализации масштабного плана децентрализации, перехода к областному устройству страны, исходил из идеи выделения в империи «русского» (подразумевая всех восточных славян) национального «ядра» и отказа от планов русификации окраин. При этом границы «ядра» в соответствии с правительственным за-

конопроектом определялись по этноконфессиональному критерию (православие было ведущим основанием для определения «русскости»). Этнонациональный дискурс разработчиков правительственного законопроекта сочетался с областническим. Дискурс русской национальной фракции в III Думе был во многом схож с подходом правительственного законопроекта по Холмщине, но отличался в критериях определения «национальности». Думские националисты и их сторонники на первый план выдвигали этнолингвистические, этнокультурные и этноисторические основания для определения границ «национальности» («русской» в данном случае). В противоположность подобному примордиалистскому пониманию противники законопроекта из состава Польского коло и левых фракций Думы предложили критерий самосознания как ведущий в понимании национальности. «Общерусскому» этнонациональному дискурсу в холмском вопросе противостоял и этнонациональный украинский (малороссийский) дискурс, который предполагал отказ от русификации, осуществлявшейся в духе концепции «большой русской нации» (все восточнославянские народы). В ходе обсуждения законопроекта в Думе и среди широкой общественности выдвигались аргументы против создания Холмской губернии, основывавшиеся на общегосударственном (национальном в государственном смысле) подходе. В соответствии с этой логикой преобразования административных единиц должны осуществляться по сугубо государственно-управленческим и экономическим основаниям. Проведение внутри империи административных границ в соответствии с этнолингвистическими ареалами превращает этнографические общности («народности») в государственно-политические («национальности»). Соответственно, подобный шаг является антигосударственным, ведет к распаду империи. В Думе к этой риторике обращались, в частности, некоторые представители правой фракции и Польского коло. В ходе холмской дискуссии проявился и дискурс регионального единства, объединявшего население Холмщины поверх конфессиональных и этноязыковых границ. У левых депутатов Думы ведущим в холмском вопросе стал социальный подход, в котором на первый план выдвигались не национальные, а социальные вопросы, необходимость прежде всего решения земельного вопроса в регионе, расширения крестьянского землепользования. Ряд подходов (своего рода «коренизация» национальных регионов, «территориализация этничности», формирование административных границ по этнолингвистическому критерию), проявившихся в холмской дискуссии, предвосхищал будущие советские практики национально-государственного строительства.

ЛИТЕРАТУРА

Аврех 1966 – Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М.: Наука, 1966. 182 с.

Аврех 1991 – Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

Борзова 2014 – Борзова Е.С. История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5. С. 75–81.

В.Р. 1897 – В.Р. [Гурко И.В.]. Очерки Привислиня. М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. 377 с.

Воспоминания 2009 – Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., ком. А.В. Лихоманова. СПб.: РНБ, 2009. 228 с.

Государственная Дума 1911а – Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия IV. 1910–1911 г. СПб.: Гос. тип., 1911. 480 с.

Государственная Дума 1911b – Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия 5. Ч. I. СПб.: Гос. тип., 1911. 3830 с.

Государственная Дума 1912 – Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия 5. Ч. II. СПб.: Гос. тип., 1912. 3824 с.

Дымша 1910 – Дымша Л.К. Холмский вопрос. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1910. 122 с.

Закржевский 1916 – Закржевский А. Польша. Статистико-этнографический очерк. Киев: Польская тип., 1916. 120 с.

Крыжановский 1911 – Крыжановский Е.М. Русское Забужье: Холмщина и Подлясье. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. XLVI + 438 с.

Кучинский 1911 – Кучинский И. Проект выделения Холмщины на почве русско-польских отношений. СПб.: Тип. Об-ва тип. дела (Герольд), 1911. 105 с.

Миллер 2006 – Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Савченко 1995 – Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М.: ИСБ, 1995. 195 с.

Скляров 1998 – Скляров С.А. Польско-украинское разграничение в 1918–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 247 с.

Холмский вопрос – Холмский вопрос. Обзор русской периодической печати (С 1 января 1909 г. по 1 октября 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. 668+III с.

Циунчук 2014 – Циунчук Р.У. Холмский вопрос в Государственной Думе: католики – православные – униаты / поляки – русские – малороссы? // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб.: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. С. 188–197.

Чихачев 1912 – *Чихачев Д.Н.* К образованию Холмской губернии. Доклад Государственной Думе. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1912. 181 с.

Шевчук 2008 - *Шевчук Т.Є.* Етносоціальна ситуація на Холмщині та Підляшші в першій чверті ХХ ст. // Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. Вип. 1. С. 92–103.

REFERENCES

Avrekh, A.Ya. (1966) *Tsarizm i tret'eiyun'skaya sistema* [Tsarism and the Third June System]. Moscow: Nauka.

Avrekh, A.Ya. (1991) *P.A. Stolypin i sud'by reform v Rossii* [P.A. Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow: Politizdat.

Borzova, E.S. (2014) "To disappear ... from the earth, or to stay Russia's vanguard?": the history of education in Chelm province. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 75–81 (In Russian).

V.R. [Gurko, I.V.]. (1897) *Ocherki Privislina* [Essays on Vistula region]. Moscow: V.V. Chicherin.

Kryzhanovsky, S.E. (2009) *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* [Memories: from the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last State Secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg: The National Library of Russia.

The State Duma. (1911a) *Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Tretiy sozyv. Sessiya IV. 1910–1911 g.* [Review of the activities of commissions and departments. Third convocation. Session IV. 1910–1911]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

The State Duma. (1911b) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1911 g. Sessiya 5. Ch. I.* [The State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1911 Session 5. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

The State Duma. (1912) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1912 g. Sessiya 5. Ch. II* [The State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1912 Session 5. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Dymsha, L.K. (1910) *Kholm'skiy vopros* [The Chelm question]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Zakrzhevskiy, A. (1916) *Pol'sha. Statistiko-etnograficheskiy ocherk* [Poland. Statistical and ethnographic essay]. Kiev: Polskaya tipografiya.

Kryzhanovskiy, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e: Kholmshchina i Podlyash'e* [Russian Zabuzhye: Chelm and Podlasie]. St. Petersburg: Mirnyy trud.

Kuchinskiy, I. (1911) *Proekt vydeleniya Kholmshchiny na pochve russko-pol'skikh otnosheniy* [The project of separation of Chelm on the basis of Russian-Polish relations]. St. Petersburg: Gerol'd.

Miller, A. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: An essay on the methodology of historical research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Savchenko, V.N. (1995). *Vostochnoslavlyansko-pol'skoe pogranich'e, 1918–1921 gg. Etnosotsial'naya situatsiya i gosudarstvenno-politicheskoe razmezhevanie* [East Slavic-Polish borderland, 1918–1921. Ethno-social situation and boundary delimitation]. Moscow: ISB.

Sklyarov, S.A. (1998) *Pol'sko-ukrainskoe razgranichenie v 1918–1923 gg.* [Polish-Ukrainian boundary delimitation, 1918–1923]. History Cand. Diss. Moscow.

Anon. (1911) *Kholmский вопрос. Обзор русской периодической печати (с 1 января 1909 г. по 1 октября 1911 г.)* [The Chelm question. Review of the Russian periodical press (from January 1, 1909 to October 1, 1911)]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Tsiunchuk, R.U. (2014) *Kholmский вопрос в Государственной Думе: католики – православные – униаты / поляки – русские – малороссы?* [The Chelm question in the State Duma: Catholics – Orthodox – Uniates / Poles – Russian – Little Russians?] In: Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavrisheskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurian Readings 2013. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. St. Petersburg: ElekSis. pp. 188–197.

Chikhachev, D.N. (1912) *K obrazovaniyu Kholmskoy gubernii. Doklad Gosudarstvennoy Dume* [To the formation of Chelm governorate. Report to the State Duma]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

Shevchuk, T.E. (2008) *Etnosotsial'na situatsiya na Kholmshchini ta Pidlyashshi v pershiy chverti XX st.* [Ethnosocial situation in Chelm and Podlasie in the first quarter of the 20th century] In: Sokhan, P.S. et al. (eds) *Istorichniy arkhiv. Naukovi studii: Zbirnik naukovikh prats'* [Historical Archive: Collection of Academic Papers]. Mikolaiv: Petro Mohyla State Humanities University in Mykolaiv. pp. 92–103.

Верняев Игорь Иванович – доцент кафедры этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Igor I. Verniaev – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: i.verniaev@spbu.ru